

Вскоре после праздника Лаба наступил канун Нового года — Чуси. В этот день в поместье принца-регента, следуя давнему обычаю, раздавали рис и зерно беднякам столицы, чтобы те могли достойно встретить праздник. В прошлые годы этим обычно занимались Ань Цзыпин и Фэн Бэйцэ, поскольку слабое здоровье не позволяло Ань Цзыяню долго оставаться на холоде. Но теперь молодой господин окреп, и сегодня они раздавали припасы вместе с Чоу Хуайшэном.

Желающих набралось немало, поэтому приготовленные мешки опустели на удивление быстро. Освободившись и заметив, что до вечера еще далеко, юноши решили немного прогуляться по городу.

Хоть Ань Цзыянь и родился в столице, выбирался он отсюда редко. Настоящей ярмарочной суеты он толком и не видел: сперва мешала вечная болезненность, а позже, если ему и требовалась какая-то безделушка, её всегда могли принести слуги. Глядя на бурлящую вокруг жизнь, Цзыянь поймал себя на мысли, что даже не помнит, когда в последний раз ходил по торговым рядам.

Два статных, пригожих юноши, идущих плечом к плечу, невольно приковывали к себе взоры прогуливающихся девиц и незамужних барышень. Под этими пристальными, любопытными взглядами Ань Цзыянь смутился и невольно прижался ближе к Чоу Хуайшэну.

Чоу Хуайшэн заметил его замешательство и тихо предложил:

— Если тебе не по душе толпа, мы можем вернуться.

Ань Цзыянь поспешно покачал головой:

— Всё в порядке, давай погуляем ещё немного. Мы ведь так редко выбираемся наружу!

Вдруг осознав, что идет слишком близко, и вспомнив об их нынешних отношениях, Ань Цзыянь слегка отстранился, чувствуя неловкость. Но не успел он сделать и пары шагов, как Чоу Хуайшэн вежливо приобнял его за плечо, увлекая за собой. От этого простого прикосновения у Ань Цзыяня и вовсе запылали щеки.

Они неспешно шли дальше, как вдруг какой-то сорванец со всего маху налетел на Ань Цзыяня. Тот от неожиданности покачнулся и едва не полетел на землю, но Чоу Хуайшэн среагировал мгновенно — подхватил его под локоть, не дав упасть. Стоило ему обрести равновесие, как мимо с весёлым визгом промчалась целая орава ребятишек.

— Стой, не уйдёшь! — звонко кричали они на ходу, увлечённые своей шумной игрой.

Проводив рассыпавшуюся в толпе детвору взглядом, Ань Цзыянь мягко улыбнулся.

Чоу Хуайшэн проследил за его взором, но не увидел ничего, кроме резвящихся детей. Не

понимая, чему тот так радуется, он спросил:

— О чём ты подумал? У тебя такая счастливая улыбка.

— Да так, пустяки, — отозвался Ань Цзыянь. — Пойдём дальше.

Юноша развернулся и устремился вперёд. Чоу Хуайшэн лишь озадаченно покачал головой, глядя в спину Ань Цзыяню, а затем ускорил шаг, чтобы не отставать.

Вскоре они вышли на самую оживленную часть рынка. Здесь людской поток тёк нескончаемой рекой — прохожие то и дело задевали друг друга плечами, и стоило на секунду зазеваться, как толпа могла запросто разлучить спутников. По обе стороны дороги тянулись лавки, ломящиеся от праздничных товаров. Улица гудела, как растревоженный улей: зазывные выкрики торговцев мешались с азартным торгом покупателей, а откуда-то издалека доносился весёлый треск взрывов первых новогодних хлопушек.

Ань Цзыянь заворуженно наблюдал за происходящим. Ему ещё никогда не доводилось самому покупать вещи на рынке, и вид торгующихся горожан разжёл в нём детское любопытство. Пусть он переплатит или заберёт какую-нибудь безделицу — неважно, ему просто хотелось почувствовать себя частью этой суеты.

Он потянул спутника за рукав:

— Брат Хуайшэн, раз уж мы выбрались, давай тоже купим что-нибудь домой?

Чоу Хуайшэн тепло усмехнулся:

— И что же ты присмотрел?

По правде говоря, Чоу Хуайшэн и сам сто лет не бывал на ярмарках. За годы, проведённые на горе Небесного Духа, он привык к уединению. Обитель жила на самообеспечении — как говорится, чем гора одарит, тем и сыты. Если же и требовалось приобрести что-то редкое, этим занимались другие.

Ань Цзыянь завертел головой, разглядывая вывески, и вдруг заметил впереди небольшую лавку. Он оживился и увлёл Чоу Хуайшэна за собой.

По пути им попадалось немало ювелирных лавок, ломящихся от изящных украшений, но здесь торговали совсем иным — необработанной, дикой яшмой. Если бы не покосившаяся табличка «Драгоценные камни», случайный прохожий наверняка принял бы этот товар за груды обычных булыжников.

И впрямь, вблизи неочищенные камни казались невзрачными серыми валунами. Неудивительно, что у этого прилавка, в отличие от соседних, не толпились покупатели.

Завидев редких гостей, хозяин лавки так и расплылся в улыбке:

— Добро пожаловать, почтенные господа! Взгляните, выберите что-нибудь на свой вкус!

— Неужели в этих камнях действительно скрыта драгоценная яшма? — с сомнением спросил Ань Цзыянь, беря в руки небольшой шершавый обломок. Сам он в ювелирном деле не смыслил, а уж разглядеть сокровище под невзрачной коркой и вовсе не надеялся.

Лавочник замахал руками и истово закивал:

— А как же! Весь товар привезён из знатных копей. Ручаюсь головой: внутри каждого камня — яшма, агат или чистейший нефрит! Конечно, где-то порода попроще, а где-то — редчайший сорт. Но если вдруг расколете камень, а там окажется пустошь, можете смело волочь старика в управу!

— И как же определить, где скрывается сокровище, а где — пустышка? — любопытствовал Цзыянь, взвешивая на ладони то один камень, то другой. С виду они казались одинаковыми, но весили по-разному, и он никак не мог понять, хороший это признак или дурной.

Чоу Хуайшэн молча наблюдал за его терзаниями. Наконец он сам потянулся к прилавку, принялся неторопливо перебирать булыжники, прикидывая их вес и даже поднося некоторые к лицу, будто пытаясь уловить их запах.

Продавец хитро прищурился:

— А вот этого, господин, я вам открыть не могу! Скажу лишь одно: моё ремесло — это ставки на камни. Слыхали о таком?

Ань Цзыянь озадаченно покачал головой. Увидев это, старик довольно оскалился:

— Суть проста: вы покупаете необработанную глыбу за бесценок — всего по два ляна серебра за цзинь. Кому-то улыбается удача, и он за гроши получает бесценный нефрит. А другие спускают тысячи лянов и остаются ни с чем! Это и называют ставками на камни.

После объяснений торговца Ань Цзыянь уловил суть этой затеи.

Чоу Хуайшэн опустил очередной камень обратно и негромко спросил:

— Ну что, Цзыянь, хочешь попытать счастья?

— Давай попробуем, — загорелся тот. — Только как угадать, в каком булыжнике прячется сокровище?

Два ляна за цзинь — деньги для него смешные. Повезёт найти самоцвет — отлично, а попадётся обычный гранит — тоже не беда. В конце концов, это просто забава, да и бедному лавочнику лишняя монета поможет справить праздник. Судя по пустующему прилавку, за весь день у старика не было ни единого покупателя.

Прохожие, услышав заманчивое слово «ставки», начали замедлять шаг. Стоило Цзыяню потянуться к кошельку, как вокруг лавки мгновенно собралась толпа любопытных. За считанные минуты крошечный пятачок перед прилавком окружили плотным кольцом. Простому люду такое развлечение было не по карману: лишних денег у бедняков не водилось. Кому-то везло сорвать куш и продать находку ювелиру, но чаще люди выбрасывали кровные сбережения на ветер, приобретая бесполезный щебень. Рисковать никто не решался, но поглазеть на чужой азарт желали многие.

Чоу Хуайшэн молча продолжал поиски. Он брал камни один за другим, прикидывал на вес и с тихим вздохом возвращал обратно. Наблюдая за его сосредоточенным лицом, Ань Цзыянь почувствовал, как сладко забилося сердце: он не сомневался, что его спутник видит скрытую суть вещей. Наконец Чоу Хуайшэн потянулся к невзрачному обломку величиной с кулак. Едва пальцы коснулись шероховатой поверхности, юноша довольно улыбнулся.

Заметив эту ухмылку, лавочник внутри весь сжался. По правде говоря, почти весь его товар состоял из грошовой пустой породы, и лишь ради прикрытия, чтобы не прослыть откровенным мошенником, он подмешал в кучу несколько действительно ценных камней. Неужто этот парень — знаток?

— Держи пока этот, — негромко произнёс Чоу Хуайшэн, протягивая ему находку.

Ань Цзыянь послушно кивнул и принял прохладный камень. Тем временем Хуайшэн вновь погрузил пальцы в груды булыжников. Толпа вокруг зашептала, заметив, с какой уверенностью действует этот юноша.

Вскоре Чоу Хуайшэн выудил второй осколок. Он поднёс его почти к самому лицу, принялся и заулыбался ещё шире.

Лавочник, судорожно сжимая в руке засаленный платок, принялся вытирать холодный пот со лба. Внутри у него всё так и оборвалось: «Только бы он остановился! Ещё одна такая находка — и я по миру пойду!»

Заметив бледность на лице торговца, Чоу Хуайшэн снисходительно усмехнулся и убрал руки. Он понимал, что ловить здесь больше нечего — лавка была опустошена дочиста. Двух находок

вполне хватит: одна — аккурат с кулак, а вторая — раза в два крупнее.

<http://bllate.org/book/18341/1864217>